

Дмитрий Голубков

Недуг бытия.

Хроника дней Евгения Баратынского

Роман

М., "Советский писатель", 1981
OCR Ловецкая Т.Ю.

Часть первая

I

Парк, разбитый на покате двух холмов, широкими террасами нисходил к пруду.

Пруд был велик, он имел форму правильного овала. Зимой его расчищали от снега, и он становился похож на старый серебряный поднос. Весною он оглашался протяжными кликами лебедей и тугими, шибкими трелями соловьев. Бледно светился он в летних сумерках и словно приподымался, приглядываясь к пугливо спускающемуся отроку.

За прудом начиналась роща, пышная и разлтая, но, не удержавшись на гребне угора, съезжала с лиственным бормотаньем в овраг, по склону которого зияли, черные пасти гротов и призрачно белели искусно выложенные руины.

Парк и овраг влекли далеко, расставаться с ними не хотелось. Но грустью и легким ужасом веяло от косматых аллей и змеистых троп, внезапно ныряющих в задебранные глубины.

Отец измыслил эту дикую меланхолическую красу -- она живуче разрасталась, цепляясь за сердце угрюмой прелестью сиротства и медленного запустенья.

Особенно пленительна была здесь погожая осень. Но чем роскошней сиял золотой и лазурный день, тем непоправимей понималась разлука. Сухо сверкал остов фаворитной беседки отца, тоскливо звенел и стучал о коряги ручей, такой громкий в облетевшем ольшанике. И отрок спешил выбраться из рано вечеряющего оврага.

Но всякий раз, будто споткнувшись, он останавливался перед кленом, высоко вскинувшимся меж полунагих берез. Упорно держались на его узловатых ветвях ключья златозвездого облаченья; в сумерках словно столп густого сиянья восставал из темной земли, соединяясь с багровыми облаками. И скудный миткаль соседней осины, словно заражаясь этой гордою яркостью, играл светло и даже пламенно. И вспоминалось дрожанье свеч, и голубой дым ладана, глубокий блеск иконостаса. И шарканье грабель, шелест сгребаемой в аллеях листвы возвращали слуху вздохи и шепот родных, собравшихся помолиться за упокой души отставного генерал-майора Абрама Андреича Баратынского, преставившегося в Москве.

Перед бельведером стояла стайка пиний, чудом прижившихся на чуждой почве. Они нравились ему. Он любовался округлыми очертаниями их кронок, благородным оттенком сероватой, как бы запепленной хвои: деревца родились в Италии, под небесами Данта и Тасса! Солнце упало на них, и мягкий волнистый свет перебежал по блеклым вершинам, -- слабая улыбка, скользкая по лицу чахоточной девы... Он брал на ладонь рыжеватые, как веснушки, шелушинки коры, осторожно нюхал, дул -- летите! Они пахли солнечной пылью и канифолью, летели легко, далеко.

Старый садовник говорил, что имя Мара {Название тамбовского имения Баратынских.} означает овраг. Дядя Богдан, остро щуря дальнзоркие адмиральские глаза, рассуждал:

-- Мара -- гм, Мара... Ежели брать по созвучью, то весьма родственно итальянскому *il mare* {Море (итал.).}.

Интересно объяснял и ветхий, но до чрезвычайности расторопный священник отец Василий:

-- Слово сие многоммысленное. Можно толковать и как туман, марево, и как оморок, сон, и как блазн -- обаяние, можно сказать...

И становилось радостно: чудесной и великой оказывалась Мара! В степном звуке ее имени рокотал картавый гул полуденной волны; сонный северный туман пронизали лучи роскошного итальянского солнца...